

СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

«Уникальные боевые операции, сорванные планы врагов, спасенные жизни мирных людей — за всем этим стоят бойцы спецподразделения НКВД, подчиненного лично Лаврентию Берии».

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

ПРОСЧЕТ НЕВИДИМКИ

Спецназ Берии. Герои секретной войны

Александр Тамоников

Просчет невидимки

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Просчет невидимки / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2022 — (Спецназ Берии. Герои секретной войны)

ISBN 978-5-04-185066-1

Роман о военном времени, о сложных судьбах и опасной работе неизвестных героев, вошедших в ударный состав «спецназа Берии». 1942 год. В конструкторском бюро Горьковского авиазавода разрабатывается новейший советский истребитель. Неожиданно органам НКВД становится известно об утечке секретной информации по этому проекту. Для выявления шпионской сети в Горький направляется группа майора Максима Шелестова. Чтобы вычислить «крота», Шелестов придумывает хитроумную операцию. Сам он прибывает на завод в качестве инженера, а его товарищи внедряются в местную среду под видом... матерых уголовников... «Эта серия хороша тем, что в ней проведена верная главная мысль: в НКВД Лаврентия Берии умели верить людям, потому что им умел верить сам нарком. История группы майора Шелестова сходна с реальной историей крупного агента абвера, бывшего штабс-капитана царской армии Нелидова, попавшего на Лубянку в сентябре 1939 года. Тем более вероятными выглядят на фоне истории Нелидова приключения Максима Шелестова и его товарищей, описанные в этом романе». – С. Кремлев Общий тираж книг А. Тамоникова – более 10 миллионов экземпляров.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-185066-1

© Тамоников А. А., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Александрович Тамоников

Просчет невидимки

© Тамоников А.А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Капитан Мороз сидел в кабинете за своим обшарпанным столом, покрытым зеленым сукном, и с угрюмым видом переключал бумаги в картонной папке с завязками. На обложке папки с неопрятными чернильными пятнами значилось «Дело 037». На широких крестьянских руках капитана НКВД, особенно на среднем пальце правой руки, тоже имелись подобные пятна. Не любил Иван Карпович писанину, терпеть он не мог скрипа пера по бумаге, звука, с которым перо тыкается в старую стеклянную чернильницу. Можно было бы, конечно, переложить всю канцелярскую работу на своего помощника лейтенанта Филонова. Но так уж заведено, что раз ты начальник, то должен сам, собственноручно писать рапорты о проделанной работе и проведенных оперативно-следственных мероприятиях и подшивать их в папку. Да и что писать, когда ничего не понятно, не знаешь, кого подозревать. Можно сутками сидеть за столом и скрипеть мозгами, можно ходить по заводу, только что толку. Раньше при наркоче Ягоде, говорят, проще было. Завел человека в кабинет, в бараний рог скрутил, так тебе любой что хочешь подпишет, да еще и сам красиво придумает, на какого империалистического врага работает. Да только с приходом Берии многих снимали, а кое-кого и в лагеря упрятали за излишнее рвение. А ведь люди не для себя старались, для дела. Может, где и перегнули палку, так на то и тяжелые времена, враг ополчился на страну Советов, много врагов вокруг, и внутри Советского Союза не меньше. А мягкотелость, она до добра не доведет. Эх, еще бы знать, где враг сейчас, а то шлют телефонограммы, отчета требуют, а где найти этого врага? Есть ли он вообще на заводе? Откуда о нем узнали в Москве? А раз знают, то прямо бы и сказали. Темнят все, в шпионов играют.

– Разрешите, товарищ капитан?

Молодцеватый, веселый, нос картошкой и все время вроде как от солнца облез. Странный этот лейтенант Филонов. Вроде и парень неплохой, но уж очень выслуживается. Все ему больше других надо. Вот опять пришел с какими-нибудь планами, предложениями. Снег с шинели не стяхнул, а сразу в кабинет, сразу тараторить начнет. Эх, молодежь, нет в них солидности.

– Ну? – неопределенно спросил Мороз. – Что еще придумал? В отделе кадров, как я велел, ознакомился с делами прибывших на завод начиная с сорокового года?

– Так точно, – кивнув, с энтузиазмом сказал молодой сотрудник. – Я вам на подпись принес запрос на шестерых. Надо проверить их по предыдущему месту жительства и месту работы.

Филонов раскрыл папку и положил перед своим начальником лист бумаги. Он, конечно, понял, что Мороз брякнул так по забывчивости. Не он велел Филонову поработать с делами сотрудников конструкторского бюро. Идея была самого лейтенанта, но теперь это неважно. Лейтенант нетерпеливо переминался с ноги на ногу перед столом Мороза, глядя, как тот изучает список и личные данные всех шестерых. Подозреваемыми их назвать трудно, скорее всего, никто и не станет подозреваемым, понимал Филонов. Но проделать эту работу надо, проверку такую провести тоже необходимо. Но его волновало больше другое.

– Иван Карпович, нам надо провести оперативную разработку, – вкрадчиво заговорил Филонов. – Я тут схему придумал одну...

– Ты, Паша, куда несешься, как телок двухмесячный! – проворчал капитан. – Надо поразмыслить, понять, а тебе все бы кидаться в дело как в омут с головой. А если враг и вправду есть? А как спугнем мы его твоими необдуманными и поспешными действиями? Кому отвечать, коли он сбежит? Вот, то-то! Мне и отвечать!

– Не спугнем, Иван Карпыч, – заверил Филонов, – точно докажем вредительство.

– Ты бы вон поменьше якшался с дочкой викуловской, – недовольно ответил капитан. – Ты на службе, а на службе с этими делами ни-ни.

– Так я в нерабочее время, товарищ капитан! – улыбнулся молодой человек.

– А ты всегда на службе, – тоном учителя заявил Мороз. – Война, милоч! Ты ночью спишь, а все равно как на службе. После войны пашни будем разводить. А как выяснится, что инженер Викулов вредитель, предатель, тогда что делать будем? Не зря он погиб, сдается мне, что сбежать хотел, да не все получилось у него! Чего ты не разрабатываешь инженера Викулова как главного подозреваемого? Из-за девки голову потерял?

– Да не подозреваемый он, что вы, в самом деле, Иван Карпыч...

– Как не подозреваемый? – возмутился Мороз. – Он рядом с установкой оставался, когда она взорвалась, что он там сделал, ты знаешь? Над двигателем трудился весь коллектив, создавал его, совершенствовал, а он вдруг ни с того ни с сего взорвался!

Филонов только махнул рукой, решив не начинать снова бессмысленный спор. Даже начальство в Москве отреагировало на рапорт Мороза вполне спокойно потому, что к нему были приложены объяснения ведущих инженеров. Взрыв мог произойти из-за микрораковины в стенке камеры сгорания. Определить этот заводской дефект отливки можно только специальной аппаратурой, но на настоящий момент ОКБ-21 такой аппаратурой не располагает. Но Мороз упрямо считает, что Викулов что-то подстроил в двигателе, когда остался один рядом с ним во время прогона на больших оборотах.

Вообще-то, Иван Карпович и сам понимал, что подозревать погибшего инженера оснований почти нет. Ну, если только как обычно, в порядке отработки версии его возможной причастности к делу. Но уж никак не в качестве главного подозреваемого. Мороз сложил документы в старый, еще дореволюционный засыпной сейф и отправился домой, в свою холодную холостяцкую квартиру, выделенную ему по просьбе начальства. До работы здесь Мороз служил оперативным работником в одной из колоний Северлага. Там все было по-другому, и контингент был другой, и методы работы тоже. Но он получил ранение, последовала рекомендация медкомиссии сменить климат. И вот капитан НКВД Мороз отправлен в Горький, а потом война, а потом...

Раздался стук в дверь, она распахнулась. На пороге стоял Михалыч.

– Можно к тебе? – спросил он и, постукивая палкой об пол, сильно припадая на правую ногу, вошел в кабинет.

Как его звали, Мороз не помнил. Как-то так повелось с первого дня их случайного знакомства, что стал он звать этого фронтовика-инвалида просто Михалычем. Кажется, у того палка укатилась по льду, и Мороз поднял ее, подал мужчине. А тот пожал ему руку. Сильное было рукопожатие, мужское. Не чувствовал он себя убогим, не осуждал молча всех мужчин, кто работал в тылу, а не воевал на передовой. Умный мужик, дельный и рассуждал правильно. Что про политику партии, что про планы генералов, что про фашистскую Германию. Так и подружились. Сблизило этих двух разных людей, скорее всего, то, что Михалыч понимал Ивана Карповича как никто другой. Понимал и слушать умел и слова нужные находить. Пить с ним было интересно, по-мужски приятно. Приятно было с ним выпить, поговорить, душа теплела. Только русский человек, по-настоящему русский понимает эту неуловимую разницу между понятиями пить и выпить! С Михалычем было хорошо выпить, а не сидеть и пить, вот в чем секрет!

– Заходи, – вздохнул Мороз. – Ты, я смотрю, тоже сегодня не шибко веселый.

– Веселья в наше время мало у народа. Живой, вот и радость, дом уцелел – счастье. – Михалыч проковылял к столу и выставил на газету бутылку «Московской». – Вот, удалось выменять на старый пиджак. У меня, Иван Карпыч, дружок месяц назад погиб. Письмо вот только сегодня пришло. Полтора года под одной шинелью, из одного котелка...

– Да ты садись, садись, – похлопал фронтовика по плечу Мороз. – Сейчас и закуску сооразим.

Не пожалел Иван и банки тушенки, что осталась с прошлого офицерского пайка. Вскрыл, поставил на спиртовую горелку разогреваться. Черный хлеб, сало, луковица, чем еще порадовать гостя в военное время... Подняли стаканы, посмотрели друг другу в глаза. За мертвых пьют молча, вот молча и выпили, каждый подумав о своем. Постепенно языки развязались. Мороз стал жаловаться на свое жите-бытье, Михалыч понимающе поддакивал, сокрушенно покачивал головой. Да, на фронте порой проще: там сразу ясно, где враг, а где друг, там все линией фронта и разделено. А в тылу порой голову сломать можно, чтобы разоблачить врага. Там на немецком говорит, значит, враг, а тут-то все по-русски разговаривают, одеваются одинаково, паспорта имеют советские, жен, детей.

Михалыч слушал, покуривая самокрутку из дешевой магазинной махорки, кивал, вздыхал да пожимал плечами, руками разводил. Мол, понимаю тебя, сочувствую, да только не моего это ума дело. Ясно, что врагов в своем тылу трудно ловить. Это тебе не на передовой, когда лежишь в окопе и стреляешь по наступающим фрицам, когда справа и слева друзья и соратники, плечом к плечу. И в атаку поднимаешься со своими плечом к плечу. А здесь... И подвыпивший Мороз только пальцем тыкал, чтобы подчеркнуть свою правоту. Вот ты меня понимаешь. Думаешь, на завод только советские инженеры хотят попасть да рабочие умелые? Ясно, что завод бронь дает, там ценные кадры важнее. Самый толковый и знающий инженер и конструктор там больше пользы принесет, чем на передовой с винтовкой. Голова, она и в Африке голова, она для победы ценность имеет большую.

– Да, голову ценить – это уметь надо, – согласился Михалыч и снова расплескал по стаканам водку. – Оно ведь как на фронте? Коли командир толковый, с головой, значит, так и солдат сбережет, и боевую задачу выполнит. А там, глядишь, и ему медаль, и подчиненным его тоже. Умный командир в цене что в тылу, что на фронте. Вот, скажем, идет наступление, а впереди болота. И командир собирает мужиков и спрашивает, а кто у вас про топи знает, у кого на родине они были, кто знает, как обращаться с ними? И советуют ему опытные бойцы, подсказывают, значит. Каждый ведь свое дело больше других знает!

– Так а я о чем! – хлопнул ладонью по столу Мороз, распаяясь еще больше от того, что собеседник его правильно понимает. – Вот ты, Михалыч, и просто солдат, а мужицкая мудрость есть в тебе. Я же чего и толкую. Я тут не первый день на заводе этом, тут понимание нужно, людей этих, тонкостей всяких заводских. А они норовят все из Москвы прислать кого-то, чтобы меня учить. Кого? Меня учить?

– Понимаю, начальство к тебе едет... – пробормотал фронтовик.

– Да кабы начальство... – обреченно махнул рукой Мороз. Глаза его слипались от усталости, от выпитого с мороза.

Платов поднял голову, увидев входящего в кабинет Шелестова, поднялся из-за стола пожать руку. Остановил доклад и кивнул в сторону кресла у окна.

– Садись, Максим Андреевич. Дам тебе почитать одну бумагу, чтобы лишних вопросов у тебя не возникало.

С этими словами Платов взял со стола бланк постановления Государственного комитета обороны и протянул Шелестову. Тот удивленно посмотрел на комиссара госбезопасности, как тот кивает, усаживается в кресло напротив, и начал читать. Текст постановления был несколько необычным, видать, составляли его прямо со слов Сталина, а сам Иосиф Виссарионович в тот момент был, мягко говоря, взбешен. Текст постановления от 4 февраля 1942 года ГКО-124с гласил:

Москва, Кремль

1) *Распределение обязанностей между членами Государственного комитета обороны Тов. МОЛОТОВ В. М. Контроль за выполнением решений ГКО¹ по производству танков и подготовка соответствующих вопросов.*

Тт. МАЛЕНКОВ Г. М. и БЕРИЯ Л. П. а) Контроль за выполнением решений ГОКО по производству самолетов и моторов и подготовка соответствующих вопросов;

б) Контроль за выполнением решений ГОКО по работе ВВС КА (формирование авиационных частей, своевременная их переброска на фронт, вопросы и вопросы зарплаты) и подготовка соответствующих вопросов.

Тов. МАЛЕНКОВ Г. М. Контроль за выполнением решений ГОКО по Штабу минометных частей Ставки Верховного главнокомандования и подготовка соответствующих вопросов.

Тов. БЕРИЯ Л. П. Контроль за выполнением решений ГОКО по производству вооружения и минометов и подготовка соответствующих вопросов.

Тов. ВОЗНЕСЕНСКИЙ Н. А. а) Контроль за выполнением решений ГОКО по производству боеприпасов и подготовка соответствующих вопросов;

б) Контроль за выполнением решений ГОКО по черной металлургии и подготовка соответствующих вопросов.

Тов. МИКОЯН А. И. Контроль за делом снабжения Красной Армии (вещевое, продовольственное, горючее, денежное и артиллерийское) и подготовка соответствующих вопросов.

Подчинить контролю члена ГОКО т. Микояна все органы снабжения НКВД по всем видам снабжения и транспортировки.

Утвердить заместителем члена ГОКО т. Микояна по артиллерийскому снабжению тов. Яковлева.

2. Каждый член ГОКО должен иметь заместителя по контролю выполнения наркоматами решений ГОКО по порученной ему отрасли работы.

Председатель Государственного комитета обороны И. СТАЛИН

– Ну? – неуверенно спросил Шелестов, возвращая Платову документ.

– Подскажу, – кивнул комиссар госбезопасности. – Еще в декабре сорок первого года Сталин отдал Наркомат авиационной промышленности под контроль Берии и Маленкова. Маленков – член ЦК партии, Маленков курирует авиационную промышленность еще с сорок первого года, Маленков курировал создание нового вида оружия – реактивных минометов, он курировал создание первых подразделений и... Теперь вместе с ним курировать авиационную промышленность поставлен Берия. Причем ты обратил внимание, Максим Андреевич, что в документе не сказано, кто старше, кто младше, не разделены обязанности, не расставлены приоритеты. Имей просто в виду, когда Лаврентий Павлович будет тебе ставить задачу, что Берию Сталин ввел дополнительно, как ответственное лицо курировать авиационную промышленность. То есть подключил аппарат НКВД к контролю. Не берусь судить, посоветовался Сталин перед этим с Берией, была это инициатива самого Берии или для него данное решение – полная неожиданность. Но факт остается фактом. Руководство страны понимает всю опасность утечки информации из ведущих КБ авиационной промышленности.

– Понимаю, – медленно ответил Шелестов.

– Хорошо, что понимаешь, – строго заключил Платов. – Сталин обязал Маленкова и Берию принять все необходимые срочные меры для развертывания производства самолетов. И обязал наркомата авиационной промышленности и его заместителей беспрекословно выполнять все указания Берии и Маленкова. Не исключаю, что вы там можете столкнуться с противодействием. Если Сталин решил столкнуть Маленкова и Берию, потому что Маленков стал слиш-

¹ Государственный комитет обороны.

ком самостоятельным, слишком возомнил о себе, то и его подчиненные вполне могут поддерживать своего руководителя в его мнении.

– Черт, простите, Петр Анатольевич, но я не понимаю, в чем наша задача. Слишком много политики и мало информации о нашей задаче.

– Не могу я наперед начальства забегать, – усмехнулся Платов. – Сначала вам задачу поставит сам Берия, в детали группу посвящу уже я.

Дверь распахнулась, и в кабинет вошел Берия. Он прошел к столу быстрым твердым шагом, пожал Шелестову руку и уселся на стул у стены, забросив ногу на ногу.

– Так, твои ребята, Максим Андреевич, я вижу, в сборе. – Нарком кивнул на дверь, где на стульях в коридоре скучали члены группы. – Отлично. Времени мало, а сделать нужно еще очень много. Буду краток! Твоя задача сегодня же вылететь с группой на Волгу в Горький. Объект – двадцать первый завод, где производят самолеты конструкции Лавочкина. Производят их и в других городах, на других заводах, но именно на заводе в Горьком располагается конструкторское бюро, мозг, там рождаются все усовершенствования, изменения и дополнения, за которыми охотится вражеская разведка. Самолет «ЛаГГ» уже сейчас некоторыми специалистами оценивается как лучший самолет этой войны. И он станет лучшим, если мы не дадим врагу навредить, украсть наши секреты, тайну наших разработок и новых направлений. В ОКБ-21 проектируется новейший самолет «Ла-7». Так что ваша задача проста и конкретна: нужно найти канал утечки информации, найти предателя на заводе и любой ценой, повторяю – любой ценой, в кратчайшие сроки устранить утечку секретной информации из ОКБ-21. Все, успеха вам! В детали вас посвятит Петр Анатольевич.

Берия поднялся со стула, пожал руку Шелестову и таким же энергичным шагом покинул кабинет. Платов велел пригласить остальных оперативников. И, когда все расселись, еще раз коротко изложил суть задания.

– А что, утечка действительно имеет место быть? – сразу же осведомился Сосновский. – Какого характера, в каких объемах? По характеру информации, которую получает враг, можно определить и место, и возможности агента или предателя.

– Имеет, – терпеливо ответил Платов. – Иначе бы мы не стали так нервничать. У немцев появились сведения о новых разработках наших ученых в области впрыска топлива при отрицательных температурах воздуха, в области механизации крыла. Человек, который добывал эти сведения, понимал их ценность, он был оснащен современными средствами копирования, он имел доступ к заводским средствам копирования чертежей.

– Что за аппаратура для фотосъемки? – оживился Сосновский.

– По нашим данным, судя по специальной фотопленке, это мини-камера шведского инженера Магнуса Нейла. Еще до войны английская компания Houghtons экспериментировала со встраиванием камеры в различные бытовые вещи. Например, карманные часы. Там используется специальная рулонная 17,5-миллиметровая пленка в кассетах. Она делает двадцать пять изображений размером шестнадцать на двадцать пять миллиметров. Вся конструкция у них умещалась в корпус часов диаметром пятьдесят пять миллиметров и глубиной в двадцать один.

– Да, задача серьезная, – покачал головой Буторин и по привычке пригладил рукой свои седые, «ежиком» волосы. – Мы тут дело имеем не с простым вредителем, не с подкупленным мерзавцем. Тут работает серьезный разведчик, который умело вербует себе помощников. И их так просто не вычислить.

– Нужен какой-то хитрый ход, – поддакнул Коган, – нестандартное решение. – Темные глаза бывшего следователя особого отдела возбужденно заблестели. И даже его большой нос, казалось, хищно заострился. – Мало что нам даст приезд официальной оперативной группы НКВД. О нас сразу узнают, каждый наш шаг будет на виду. Немец сразу поймет, что мы по его душу, и он заляжет на дно, заморозит все контакты.

– Но и без проведения официальной работы тоже нельзя. Нам ведь нужно допрашивать свидетелей, с руководством как-то контактировать, – вздохнул Шелестов. – А еще, там ведь свои оперативники есть, кто курирует завод, конструкторское бюро, кто обеспечивает режим секретности.

– Увы, оперативники есть, – согласился Платов. – Я навел справки, насколько это мне удалось сделать быстро и так, чтобы оперсостав не узнал об этом. Их там двое. Старший – капитан Мороз Иван Карпович. Упертый, суровый мужик из крестьян. К сожалению, недалекий, но исполнительный и надежный. За советскую власть любому глотку порвет. Он раньше служил в Северлаге, оперативником на зоне. Опыта контрразведывательной работы никакого. Какой дурак его поставил на военный завод, я не знаю, да и неважно это теперь. Снимать поздно, враг может это заметить и расценить правильно.

– А второй? – спросил Шелестов.

– Второй тоже не подарок, хотя его использовать можно с большей пользой. Молодой лейтенант, зовут Павел Филонов. Оперативного опыта нет, горяч и инициативен. Эту бы энергию и на пользу дела, но Мороз его все время тормозит и не дает себя проявить. То ли осторожничает, то ли боится, что Филонов его «подсидит».

– А что? – поинтересовался Коган. – Не подсидит?

– Филонов трижды писал рапорты об отправке его на фронт, но руководство его рапортам хода не давало. Сейчас он написал рапорт в четвертый раз, и его просьбу хотели удовлетворить, но я решил пока остановить этот процесс.

– А может, отпустить парня, раз так рвется, – предложил Сосновский. – И для нас неплохой вариант – приезжает новый человек вместо Филонова, во все вникает, всем интересуется. Так сказать, дела принимает.

– Это все хорошо, вариант почти надежный, – согласился Платов. – Но опытный разведчик, я боюсь, раскусит нас. Уж он-то наверняка навел справки, что собой представляют эти оперативники. Хорошо, даю подсказку. Есть у меня одна наметка. Раскололся один из уголовников, которого свои порезали. Правда, он умер в больнице, но местный опер из территориального управления успел его допросить. Почувствовал молодой оперативник, что это не «пустышка». И начальник его почувствовал. Он мне сообщил, а опера в командировку отправил. Так что вас там ждет начальник управления майор Карев. О вашей группе знает только он. Вводить в дело Мороза и Филонова или нет – решайте сами на месте. По ситуации и по обстоятельствам. Ну, и оценивая их личности. Отсюда я вам советовать не могу.

– Так что сказал умирающий уголовник из Горького? – напомнил Шелестов. – Чего он такого наговорил, что районное управление заинтересовалось?

– Некий фраерок банду ищет. Чтобы пойти с ней на дело. Дело верное, но опасное. Кассу заводскую взять хочет. И вроде на заводе есть у того фраерочка свои люди, что подскажут, где и когда удобнее ту кассу взять. Как войти на завод и как выйти с него.

– Заводскую кассу? – понимающе кивнул Шелестов. – А завод, конечно, авиационный?

– Конечно, – кивнул Платов. – И касса расположена в одном коридоре с помещением ОКБ-21. Это я проверил.

– А фраерочек-то серьезный, – подал голос Коган. – Если только один проболтавшийся, и тот помер, то серьезный. На заводе охрана. Простому фраерочку уголовники не поверят, не пойдут за ним. Там кто-то есть, кто знает уголовный мир.

– Ну, что же. – Шелестов решительно повернулся к своей группе. – Картина вырисовывается определенная. У нас нет времени искать немецкого разведчика месяц и подбираться к нему медленно и осторожно. Надо ему подставить банду на все готовых, банду людей, у которых руки по локоть в крови. Обыграть причину их появления в городе. Но мне придется все же играть свою роль на заводе. Так что, Виктор, вручаю тебе банду Седого. И двух головорезов в лице Сосновского и Когана. Кликухи придумаете по ходу дела.

– Все правильно, я примерно так и думал, – согласился Платов. – Опасно, но это реальный факт сделать все быстро, пусть он сам выйдет на вас. Но на заводе тебе, Максим Андреевич, без легенды нельзя. Легенду я тебе придумал. Поедешь в Горький в ОКБ-21 представителем от триста восемьдесят первого завода. С помощником. Он настоящий авиационный инженер и будет заниматься делом, а ты руководить. Точнее, создавать видимость, что руководишь своим помощником, а сам... ну, руки у тебя там будут развязаны.

– Провалюсь, – засмеялся Шелестов. – Какой я инженер, какой руководитель. Я же брякну что-то не то по инженерной части, и меня сразу раскусят, подозревать начнут.

– Хороший ты оперативник, Максим Андреевич, хороший разведчик и контрразведчик, но хозяйственник из тебя, прости, никакой. Начальник и не должен разбираться во всем, а может, и вообще ни в чем, кроме главной способности – руководить! Все равно, кем и чем! Ты в качестве помощника быстрее спалишься. Я тебе нашел одного инженера. Толковый парень и в курсе твоего задания. Так сказать, ваш внештатный сотрудник. И он будет делать всю работу, а вы лишь создавать возле него видимость работы. Все как обычно! Тебе там, на месте, придется разобраться, понять, кто вольный, а кто невольный помощник врага. Брать надо не одного разведчика, а всю его сеть.

Алина шла домой мимо старых дореволюционных домов, и ее короткие валенки утопали в глубоком снегу, который намело у ворот домов. Ей хотелось плакать, и в то же время было стыдно за свою слабость. Тяжело было всем, всей стране. Столько горя вокруг, столько похоронок приходит ежедневно. Вся страна в холоде и голоде, потому что все ресурсы нужны для войны. Каждый готов отдать и отдавал последнее для фронта, для победы над врагом. И у каждого человека было свое горе. Было и общее горе, и свое личное, и как вот сравнить, измерить это состояние. И терпели, и несли это горе в себе. И горе за страну и за близких людей. Казалось порой, что у баб не осталось уже слез оплакивать всех убитых. А похоронок все шли и шли.

Вести с фронта были разными, часто уже радовали людей, давали повод надеяться. Ведь с каким страхом весь народ ждал вестей, когда немец прорвался к Волге. Страшно было слушать и знать, что происходит в Сталинграде. А ведь как все повернулось, какой удар нанесла родная Красная армия врагу. Сколько врага побили там, на Волге. Вражескую армию окружили, разбили и погнали назад. А под Курском летом? Сколько уничтожили фашистов на Курской дуге! Не пропустили врага, железным щитом встала армия и победила! Ведь выстояли. И под Москвой выстояли, и в Сталинграде, и под Курском.

И как хотелось помочь Родине. И на все был готов каждый. Вот и Алина Викулова вместе с отцом, ведущим инженером по авиационным двигателям, тоже выполнили приказ Родины и поехали сюда, в Горький, на эвакуированный завод. Работали, как еще работали! Отец в конструкторском бюро, Алина копировальщицей-чертежницей. Студентка еще, инженером ей рано работать. И квартирку им дали маленькую, но это даже хорошо, проще протопить маленькую комнату. И от завода недалеко. Да и домой приходили только спать, целыми сутками пропадали на заводе. И вот...

И вот папа погиб. Никто не знает, почему взорвался на стенде авиационный двигатель. И сразу что-то изменилось в мире. «Или это только мне кажется, – думала девушка. – Просто не стало еще одного самого близкого и дорогого человека, не стало целого мира, в котором я жила. А теперь все стали чужие или это только так кажется? Появилось недоверие, отчуждение? Или это только кажется? А этот, как его... капитан Мороз, так тот вообще прямо говорил, что папа мог быть вредителем! И ведь никто не осадил, не накричал на него. И как пусто стало в доме. И даже не хочется туда возвращаться, хотя и в конструкторском бюро стало как-то неуютно. И что бы было, если бы не Пашка! Наивный, добрый лейтенант Пашка». – Алина смахнула шерстяной варежкой с щеки сбежавшую слезинку и шмыгнула носом. Нет, не плакать, не сдаваться!

– Лина! – позвал знакомый голос, и девушка не сразу поняла, почудилось ей или ее правда кто-то зовет сквозь ночную метель. – Линка!

Отец? Нет! Девушка на миг закрыла глаза. Как же часто ей мерещится голос отца, но он звал ее Линок, Линочек. Алина повернулась, шурясь от снежинок, которые ветер задувал ей в глаза. В полушубке нараспашку, сдвинув шапку на затылок, к ней спешил Пашка. Сегодня он был не в своей военной форме. Он вообще старался не приходить к ней в форме. И девушку это пугало и раздражало, особенно вот в такие минуты грусти и отчаяния. «Он что, боится скомпрометировать себя или его накажут за связь со мной?» Но и эти нехорошие мысли проходили быстро, когда она видела Пашкины глаза: такие светлые и добрые.

– Линка, здравствуй! – Парень стоял так близко, что девушка ощущала жар его разгоряченного тела, которым веяло из-под расстегнутого дубленого полушубка. – Что с тобой, Лина?

Пашка держал ее за плечи сильными руками и пытался заглянуть в глаза. Но Алина упорно опускала лицо все ниже и ниже. Пашка... но даже с Пашкой ей сейчас не хотелось оставаться наедине. А может, и именно с ним. Даже любовь не согревала ее сейчас. А может, это и не любовь? А может... Девушка снова заплакала, вспомнив их первую ночь, когда они неистово целовались, оставшись впервые вдвоем. Сколько было эмоций, это была сказочная ночь, когда они, утомленные любовью, наконец заснули на измятых простынях, обнимая друг друга... И даже с Пашкой ей сейчас оставаться не хотелось. Горько...

Она думала, мучилась, сквозь пургу она слышала, но не понимала его вопросов. И только когда они вошли в квартиру и Алина обессиленно уселась на лавку у входной двери, она поняла, что Пашка все это время, пока они шли по улице, ей что-то рассказывал. Она смотрела, как он ловко наколол щепы, как разжег «буржуйку», поставил на нее старый чайник. Пашка видел, что по щекам девушки текут слезы, но не бросился успокаивать ее. Что-то подсказывало молодому человеку, что этим он только оттолкнет Алину от себя. Плохо ей, очень плохо, а он, несмотря на его чувства, еще не стал для девушки по-настоящему близким и родным человеком.

А потом Пашка помог ей снять пальто. И Алина почувствовала, что в комнате уже стало тепло и шумит вода в чайнике на печке. А Пашка уже рылся в карманах своего полушубка, доставая гостинцы. Газетный сверток с горстью настоящего грузинского чая, большой кусок колотого сахара и маленькую баночку варенья. Боже, где он ее взял? Алина удивленно взяла баночку и увидела на этикетке дату изготовления. 1940 г. Довоенная еще.

А Пашка смотрел на нее, перекатывая в руках округлые бока старого семейного бокала, и мягко так улыбался. Даже вроде как виновато. И девушка подняла на него глаза, пристально посмотрела и сказала:

– Паша, ты только не сердись, что я... угрюмая такая, ты же понимаешь...

– Да все я понимаю, – ответил Пашка. – Тебе одной сейчас нельзя оставаться, совсем нельзя, а то свихнешься. Знаешь, я буду к тебе каждый день приходить. Как доктор. Буду убеждать, что ты в порядке, и уходить. Просто чтобы увидеть. Только вот... наверное, каждый день не получится, но я буду стараться. И, как только минутка выпадет, сразу приду. И лекарства буду приносить. Сладкие!

И Пашка улыбнулся обезоруживающей открытой улыбкой. И нельзя было устоять, чтобы не улыбнуться ему в ответ. Только улыбка у Алины получилась жалкая. Она это поняла, и ей сделалось очень стыдно, и тогда девушка прижалась к Пашкиной груди, уткнулась ему лицом в свитер и... заплакала. Горько, навзрыд, как когда-то плакала в детстве, когда соседская собака разорвала ее любимую куклу. Так Алина не плакала, наверное, с тех самых пор. А Пашка осторожно гладил ее по волосам и ничего не говорил. И не надо было говорить, просто Алине надо было выплакаться. Слишком много там внутри накопилось слез. Так много, что от них можно было сойти с ума.

Старые ходики на стене привычно отматывали секунду за секундой. Пашка смотрел на них и думал, что вот еще пять минут, ну ладно, еще десять минут, и все, пора уходить. Не хотелось, но уходить надо.

А в подворотне у дома напротив в темноте стоял человек в пальто с поднятым воротником. Он придерживал воротник возле носа и не отрываясь смотрел на окна квартиры Викуловой. Там, за стеклом, заклеенным газетами вместо занавесок, трепетал огонек печки. Там уютно светила керосиновая лампа. И от этого еще больше хотелось шмыгать носом и топтать ногами по скрипучему снегу. Ноги у человека застыли, да и по спине, несмотря на то что пальто было на ватине, тоже пробирался холодок.

Скрип снега под ногами выдал приближение человека. Мужчина поднял лицо над воротником и прислушался. Из-за угла появился мужчина в старом ватнике и солдатской шапке с выгоревшим следом от звездочки на лбу. Человек в ватнике подошел и встал рядом, глядя на освещенное окно.

– Ну что?

– Еще не легли, – буркнул человек в пальто и снова сунул нос в воротник.

– Ты, главное, не проворонь, когда он выйдет. Может, и не лягут сегодня.

– А чего ему выходить. Теплая девка под боком. Самый сок. Я бы не ушел.

– Болтай больше, – строго сказал второй в ватнике. – Девка, почитай, в трауре по отцу, а ты мелешь. Не проворонь!

Глава 2

Касса была в самом деле недалеко от помещений, которые на заводе занимало конструкторское бюро. Это Шелестов отметил сразу. Гудели голоса, работали чертежники за стеклом, шумно обсуждались в накуренной комнате какие-то технические решения. В испытательную лабораторию покатили на медицинской каталке какие-то приборы. Шелестов со всеми раскланивался, пожимал руки. На расспросы, как дела на 381-м заводе, с которого, по легенде, они с Васильчиковым приехали, отвечал больше сам инженер Васильчиков. Шелестов только отделялся общими фразами и уверенными междометиями.

В кабинете главного инженера было тоже страшно накурено, и тот, извинившись, подошел к окну и открыл настежь форточку. Из форточки сразу полетели в комнату серебристые кружащиеся снежинки. «А ведь скоро Новый год, – подумал с грустью Шелестов. – Такой праздник, любимый в нашей стране всеми, от мала до велика. И снова он без особой радости, ведь столько горя вокруг. Хотя нет, у людей на улице, да и здесь у рабочих на заводе лица одухотворенные. Нет, не сломал фашист душу народа. Беда, горе, но глаза светятся от радости, люди ждут любимый праздник, а значит, есть вера в победу».

Главный инженер сел смотреть заявки, воздух в кабинете посвежел. Васильчиков вовремя отвечал на вопросы, не давая возможности Шелестову опозориться и вызвать подозрения. Наконец, главный инженер сверился с заявкой, написал прямо на ней свою резолюцию «изготовить для завода № 381 3 (три) экз. копий чертежа № СМ-03316, 3 (три) экз. копий чертежа № БЛ-01256 и 4 (четыре) экз. копий чертежа № 88256».

Короткий разговор о делах, об обстановке в стране, на фронте, о том, как работает и живет коллективу. И теперь Шелестов проявил больше инициативы и задавал свои, заранее подготовленные и продуманные вопросы. Конечно, надеяться, что главный инженер заявит, что в КБ есть саботажники, откровенные предатели и люди, торгующие государственными секретами, было глупо. Но ощутить беспокойство, усталость от соблюдения крайних мер секретности можно в беседе с человеком всегда. Если он тебе доверяет. А не доверять товарищам с московского завода у главного инженера оснований не было. А ведь он не мог не знать, что утечка имеется. Допрашивали и его, и главного конструктора, и ведущих специалистов, заведующих секторами. Осторожничает? Обязательно должен осторожничать!

Когда Шелестов и Васильчиков подошли к дверям комнаты копировальных работ, то сразу почувствовали запах аммиака. «Да, – сразу подумал Максим, – а ведь тайком такие работы провернуть не удастся. Так пропахнешь аммиаком, что других подтверждений твоей вины и не надо. Любопытно, надо это обдумать».

Девушка в защитной маске и больших очках возилась возле вытяжного шкафа, в котором, как понял Шелестов, и происходил основной процесс копирования. Девушка обернулась и вопросительно посмотрела на вошедших.

– Вам что, товарищи? – несмотря на то что голос был значительно приглушен плотной защитной маской, Шелестову он понравился.

Мелодичный приятный голос, не лишенный юной свежести, похожий на журчание лесного родника среди папоротников. «Что-то меня на романтику потянуло», – с иронией подумал о себе Максим, но потом спохватился. Нет, это просто работают рефлексy. Ему общаться с этой девушкой как со свидетелем в лучшем случае, как с подозреваемой в худшем. И сейчас с первых же шагов он просто привычно начал составлять свое мнение о человеке, о манере его поведения, о том, скрывает что-то человек или нет, боится или нет, есть ему что скрывать или он весь на виду, как раскрытая книга.

– Да вот, – Васильчиков вопросительно глянул на Шелестова и протянул девушке направление с резолюцией, – мы за копиями чертежей.

Девушка отошла к окну, сдвинула маску на подбородок и сняла защитные очки. Прочитав резолюцию главного инженера, она устало улыбнулась и пообещала:

– Приходите за копиями завтра утром, товарищи. Я все сделаю.

– Утром? – изумился Шелестов, хотя прекрасно был осведомлен, что два из трех чертежей еще не готовы к копированию, что еще идут работы по внесению изменений в окончательный вариант проекта. – Красавица, ты нас без ножа режешь.

– Во-первых, я вам не красавица, – как-то уж очень по-детски нахмурилась и возмутилась девушка. – А во-вторых, есть определенный порядок. Чертежи ведь не у меня здесь лежат. Я их должна заказать у конструкторов, подготовить к работе реактивы, оборудование. Вы думаете, что это все так быстро, как при помощи волшебной палочки?

– Ну что вы, Алина! – засмеялся Шелестов. – Ну, считайте, что я пошутил. А насчет красавицы это было сказано серьезно. А что, правда такой долгий процесс? Я как-то у нас не сталкивался с такими работами, все больше в цеху.

– Конечно, долгий, – уже миролюбиво ответила девушка, тряхнула своими светлыми волнистыми волосами и принялась рассказывать, как происходит процесс копирования чертежей.

– Бедная вы, бедная, – шутливо сказал Шелестов, покачав головой, – а как же вы на танцы в заводской клуб пойдете, вы же вместе с одеждой, наверное, так здесь за день аммиаком пропахнете, что никакая баня не поможет.

Шутка, конечно, была не очень вежливая по отношению к девушке, но иного выхода Максим не видел. Слава богу, Алина не обиделась или не подала вида. Она просто сказала, что приходится на работе ходить в одной одежде, не считая лабораторного халата, а за пределами завода в другой. Но запах никуда не денешь, да что такое запах завода, когда такая война, весь народ сражается. Кто в тылу, кто на фронте. В такое время думать о таких пустяках, как запах или танцы в клубе... Шелестов кивнул Васильчикову, и тот начал играть свою роль, о которой они договорились заранее. Сам он отправился по другим делам. Самым важным у него были встреча и знакомство с лейтенантом Филоновым.

– Алина, вы знаете, мы немного ошиблись, – виновато заулыбался Васильчиков, когда Шелестов вышел. – Может, вы сделаете нам с третьего чертежа не четыре, а пять копий? Вам же не трудно, правда?

– Да вы что же такое мне предлагаете? Вы же сами на заводе работаете и знаете, что категория проектных чертежей попадает под гриф для служебного пользования, секретно и совершенно секретно. Я же за каждую копию отчитываюсь, каждой копии свой номер присваивается, они все регистрируются. Глупости вы мне предлагаете, дорогой товарищ! Честное слово, даже стыдно мне за вашу безграмотность!

– Да я же первый раз в конструкторское бюро попал, Алина, что уж вы так судите меня строго, – начал оправдываться инженер. – Раз все так строго, так я дождусь вашего главного инженера и оформлю заявку еще на одну копию. Я просто думал, что вы быстро сделаете, а он неизвестно насколько уехал.

Пока Васильчиков оправдывался, радуясь, что копировальщица его так с ходу и решительно отшила, Шелестов крутился возле кабинета уполномоченных НКВД. В этой части здания ему делать было абсолютно нечего. И если бы кто-то задал ему серьезный вопрос, а что это вы, товарищ командировочный, шатаетесь по территории завода, когда прибыли вы в ОКБ-21? А какие это у вас еще дела появились и что это вы тут высматриваете и вынюхиваете? И все так далее и тому подобное. Конечно, лично для подполковника Шелестова такие вопросы страшными не были и никаких последствий не имели бы, но вот для «инженера» Шелестова ситуация была бы крайне неприятной. Главное, что и в дверь не постучишься. А Максиму не хотелось попадаться на глаза капитану Морозу. Его контакт с Филоновым не должен кому-то броситься в глаза.

Наконец в коридоре показалась стройная фигура молодого лейтенанта, затянутая ремнем в талии поверх шинели. Форменная шапка чуть сдвинута на одну бровь. Лихой парень, подумал Шелестов, такие девушкам нравятся. Если еще и не глуп. Хотя начальник местного управления НКВД Карев хвалил Филонова. Ладно, выбора все равно нет, а свой человек на заводе нужен позарез. С капитаном Морозом каши не сварить, такое мнение было и у Карева, хотя гарантировать, что кто-то из оперативников на заводе не помогает врагу, он не мог. Профессиональная осторожность или интуиция, но теперь это неважно, теперь придется самим разбираться, понимал Максим. И очень хорошо, что капитан Мороз уехал, нет его в городе, значит, не надо опасаться, что он увидит, как я разговариваю с лейтенантом.

– Разрешите? – вежливо поинтересовался Шелестов, входя без стука в кабинет следом за Филоновым.

– Слушаю вас. – Лейтенант, начавший расстегивать шинель, обернулся и строго посмотрел на гостя.

– Меня прислала к вам ваша теща, – медленно, старательно выговаривая слова, начал говорить слова пароя Шелестов, – сообщить, что гуси здоровы. Ветеринар выдал справку.

– На справке не было печати, – чуть помедлив, ответил Филонов. – Теще придется ехать в город.

– Здравствуйте. – Максим улыбнулся и протянул лейтенанту руку. – Встретиться и поговорить нужно обязательно сегодня. Время не терпит!

– Да я понимаю. Как мне вас называть? – В глазах Филонова блеснул огонек азарта.

«А парень-то соскучился по настоящей работе», – понял Шелестов.

– Зовите меня Максим. Надеюсь, вам не надо напоминать, что о нашем знакомстве, нашей встрече и других наших делах говорить никому нельзя? Даже капитану Морозу. Законы оперативной работы!

Это напоминание Шелестов сделал потому, что блеск в глазах лейтенанта ему понравился и не понравился одновременно. Такой работой надо заниматься без азарта. Это не карточная партия и не лихая сабельная атака кавалерии. Оперативная работа – это кропотливая работа, требующая терпения, методичности, развитой интуиции и хорошей реакции. Ситуация может меняться очень быстро, и нужно всегда принимать быстрые и правильные решения. Эмоции в такой работе не помощник.

Олег Иванович Карев шел по перрону, нетерпеливо вглядываясь в заиндевшие окна вагонов. Десятый вагон. Да, Оксана должна быть в этом вагоне. Не любил он отпускать жену одну. Сейчас на железной дороге столько шпаны, карманников. Но что делать, при его работе он не имеет времени сопровождать супругу. Да что там сопровождать, поспать, и то некогда, если ты возглавляешь местное Управление НКВД. Да еще в военное время. Родители Оксаны уже довольно преклонного возраста, но в деревне им жить все же сейчас лучше. Да и некуда их забрать, когда Олег Иванович с супругой живут в однокомнатной квартире, с продуктами в городе плоховато. Конечно, на продуктовые карточки мужа прокормиться можно, но у стариков в деревне погреб и запасы, сделанные со своего огорода. Отец – хороший обувщик, к нему все село носит чинить обувь. И это хорошее подспорье старикам. Денег никто не предлагает, больше несут съестное да что-то из одежды. Плотник вон за ремонт обуви своей семье бесплатно старикам крыльцо починил. Тоже неплохо. Другое дело, что в деревне с лекарствами плохо. Аптека за столько верст, что впору только на машине или на лошади ехать. А откуда у стариков лошадь или машина? Вот и приходится жене хоть раз в месяц, а навещаться зимой к родителям. У отца сердце сдает, у матери ревматизм, головные боли не отпускают. Как тут без лекарств.

– Олег, я здесь! – раздался знакомый голос.

Карев повернулся и увидел жену в дверях пассажирского вагона. Она махала рукой, прижимая к груди обычный солдатский вещевой мешок. Опять с гостинцами. Ну что с ними делать! Он поспешил к вагону, подавая жене руку и помогая спуститься на платформу. Оксана щебетала без умолку, стараясь сразу передать все новости. Была у женщины такая особенность, она, когда уставала, всегда много говорила. Это как у больного в горячечном бреде. Но стоит ей сейчас попасть домой, согреться после холодного продуваемого вагона, выпить горячего чая, и Оксана сразу замолкнет, ее взгляд помутнеет, она заберется в любимое кресло под торшером, накроется большим пуховым платком и будет дремать.

– Вот неугомонные старики, – проворчал Олег Иванович, взвешивая в руке вещмешок. – Что на этот раз?

– Окорок и пирожки с вареньем. Деревенские. Это не старики, – вздохнула жена. – Хорошо, что я вчера приехала, хорошо, что я оказалась врачом.

– Что произошло? – насторожился Карев, подводя жену к машине и помогая ей забраться на переднее сиденье.

– Мальчишка чуть не погиб. Если бы не я, то конец пареньку. Подавился, стал задыхаться. Какая-то старуха пыталась помочь и сделала только хуже. Пришлось делать прокол ножом, чтобы он мог дышать... – Оксана покачала головой, махнула рукой. – Не хотела брать, так родители чуть ли не в ноги упали. Спасительница же!

– Родителям бы оставила, – проворчал Олег Иванович, заводя мотор.

– Не успела, они прямо к поезду принесли свои подарки. Мне и самой неудобно, правда. – Оксана снова махнула рукой. – У тебя-то тут как дела? Ты плохо выглядишь. Мне кажется, что ты не спал с тех пор, как я уехала. И мешки под глазами. Тебе сердце нужно подкормить. Завтра же пойду на рынок и куплю тебе ягоды боярышника. Буду поить тебя отваром.

– Отваром? Это хорошо, – задумчиво ответил Карев, а сам подумал о том, что жена будет в панике потому, что сегодня ему снова не ночевать дома, не положить голову на подушку до самого утра.

Карев украдкой с нежностью посмотрел на жену. Сколько же она перенесла с ним. Неспкойная жизнь с мужем, если он служит в НКВД. И ведь все терпит, все переносит стойко и мужественно, как жена чекиста. Много понимает, о многом не говорит, но порой достаточно одного теплого взгляда, одного прикосновения руки, и сразу понятно, что хочет сказать женщина, которая рядом с ним идет по жизни вот уже двадцать пять лет. А говорят такие взгляды и такие прикосновения только об одном: все хорошо, я рядом, я с тобой. Что бы ни случилось, я останусь с тобой до конца, до последнего дня.

«Ох, душа моя, – с теплом подумал Олег Иванович. – Потерпи, потому что тяжело всем. Сломаем эту войну и заживем мирно и красиво, как мечталось когда-то в молодости. А сейчас... Сейчас меня ждет оперативная группа из Москвы, да еще с особо секретным заданием по линии контрразведки. И разобраться бы в своих рядах, на заводе. Ведь дело сложное, важное. Какой уж тут сон. Это ты, моя голубушка, в госпитале у себя можешь хоть полчаса на кушетке подремать...»

Максим думал об этом, когда шел на место встречи по еле освещенной улице. Ночь была пасмурной, хотя и безветренной. Сухой снег под ногами почти не скрипел на утопанных тротуарах и дорожках. На проезжей части улицы его не осталось практически совсем. Оставив машину на соседней улице, Шелестов перешел проходными дворами на Кузнечную улицу. До встречи оставалось две минуты. Максим думал о том, что он, может быть, перестраховывается, но, сравнив риски, решил, что так и надо, они ведь не банду пытаются разоблачить, не группу уголовников, а вражеского разведчика, который уже почти проник в конструкторское бюро и получил доступ к секретной информации, касающейся новых разработок для современного и перспективного советского истребителя. Тут рисковать нельзя, тут не два, а двадцать раз перестраховаться надо, пока сделаешь следующий шаг. Вспугни ты вражеского шпиона, и все,

уйдет в тень, ляжет на дно, обрубит все контакты, и все, ты его больше не найдешь. А он начнет пользоваться запасными, ранее подготовленными каналами связи, новыми контактами.

И поэтому Шелестов с такими предосторожностями назначил Филонову встречу не в том районе, где находилась конспиративная квартира. Поэтому он и машину оставил за квартал от места встречи и на соседней улице. И время назначил точное, чтобы встреча произошла мгновенно, чтобы лично убедиться, что за лейтенантом нет хвоста. Чтобы сразу увести его проходными дворами подальше от места встречи и покинуть район. Ставки в этой операции слишком велики.

Выглянув из-под арки, Шелестов бросил два быстрых взгляда вдоль улицы в одну сторону, потом в другую. Через перекресток справа проехала легковая автомашина, слева быстрым шагом, укутав лицо шарфом, прошел мужчина в зимнем пальто и шапке «пирожок». Кое-где горели окна в домах, дежурное освещение в хлебном магазине, который закрылся час назад. Шелестов не стал расспрашивать лейтенанта, с какой стороны он пойдет к месту встречи. Это было бы подозрительно. Да и оперативнику самому решать, в какой момент и каким путем идти. Он знает этот город лучше всех.

Вот мелькнул полушубок и кубанка. Молодой человек шел быстрым шагом, нараспашку. По походке Шелестов сразу узнал Филонова. А вот юфтевые сапоги он надел зря, по ним сразу можно узнать военного, милиционера, который переделся в гражданскую одежду. Шелестов, стараясь сильно не высовываться из-за угла, ждал приближения лейтенанта. Пока, кажется, никого на улице нет, нет признаков слежки за оперативником. За себя Шелестов был спокоен. За ним хвоста не было точно.

Когда до арки, под которой стоял Шелестов, Филонову осталось сделать всего несколько шагов, Максим медленно вышел на улицу, остановился, отметил, что лейтенант его увидел и узнал. И тогда он снова вошел под арку и обернулся. Через несколько секунд появился и оперативник.

– Все чисто? – быстро спросил Шелестов.

Филонов молча кивнул, и тогда Максим, повернувшись, повел оперативника дворами к машине. Они шли быстро, обходя подъезды, заснеженные кусты и лавочки во дворах. Несколько раз Шелестов проверялся, но слежки не заметил. Радоваться было пока нечему. Не факт, что слежки нет, если ты ее не заметил. Именно для такого случая Максим и приметил старую трансформаторную будку. Она была пуста, и дворник, чтобы туда не таскали мусор, не лазили мальчишки, не заходили и не гадили собаки, привязал дверную ручку проволокой. Шелестов проволоку перекусил пассатижами, но оставил видимость, что она цела. И когда они с Филоновым подошли, он остановил оперативника, тихо открыл дверь и кивнул, чтобы тот вошел. Они простояли в будке минут пятнадцать и начали замерзать. Через большую щель хорошо был виден двор. Если бы кто-то шел за ними, то ему было бы не миновать будки. Но во дворе по-прежнему было пустынно.

– Было чисто? – тихо спросил Шелестов Филонова, прежде чем покинуть будку и идти к машине.

– Да, я проверялся, – помедлив, ответил лейтенант. – Никто за мной не следил. А вы думаете, что...

– Потом поговорим о том, что я думаю, – остановил оперативника Максим. – А сейчас тихо выходим, и направо. Там на улице моя машина.

Сосновский давно, еще работая до войны в Германии, усвоил искусство слежки, способы ее определения и ухода из-под наблюдения. Он был разведчиком, но под легальной дипломатической «крышей». И Михаилу приходилось очень часто уходить из-под наблюдения так, чтобы сотрудники гестапо или СД не поняли, что он заметил слежку и пытается «сбросить хвост». Сосновский научился уходить из-под наблюдения ненавязчиво, как бы случайно. И сейчас, проверяя, есть ли слежка за Филоновым, он умудрялся не выдать и себя, не показать, что ведет

наблюдение за наблюдателями. А то, что они есть, он понял сразу. Двое, и действуют они не очень профессионально. Или новички, не очень опытные люди, или уверены, что «объект» даже не подозревает и не думает о том, что за ним кто-то может следить в таком глубоком тылу.

Они шли за Филоновым от самого его дома, сразу взяв его под плотное наблюдение с двух точек. Один, в темном пальто, все время прятал лицо в воротник и то и дело прижимался к стенам, когда лейтенант оборачивался на перекрестках или возле дверей магазинов, имитируя свое желание войти в магазин. Глупо, ведь все знают, что в это время большинство магазинов уже закрыто. А вот второй – в сапогах, ватнике и коричневой меховой кубанке на голове – действовал более умело. Он порой приближался сзади к Филонову на расстояние метров в двадцать, скрываясь то за стоявшим у тротуара грузовиком, то за пачкой красного кирпича, уложенного возле жилого дома. Сомнений и предположений у Сосновского относительно этих людей было много. И еще больше у него было желания побеседовать с наблюдателями. Но самым главным в данной ситуации было избавить Филонова и Шелестова от хвоста. Или это наблюдатели от местного фигуранта какого-то дела, которое вели Филонов и Мороз, или это люди немецкого разведчика, который догадывается, что его присутствие в Горьком НКВД вычислил. Были и другие варианты. Например, просто грабители или дружки некоего муженька, чьей жене Филонов мог оказывать знаки внимания. Симпатичный, уверенный в себе парень. Почему бы не возникнуть и такой ситуации? А мы голову ломаем. Глупо, но возможно.

Насколько Михаил помнил расположение улиц, через двор он мог выйти на соседнюю параллельную улицу, а потом у хлебного магазина вернуться опять на Кузнечную. Для совершения такого маневра Сосновскому пришлось немного пробежаться, а при выходе из следующего переулочка постоять и отдышаться. Чистым морозным воздухом дышалось хорошо. Сразу вспомнилась последняя иранская операция с неизгладимыми воспоминаниями о камнях, пыли, сухой траве. «Ничего нет краше и приятнее русской земли», – подумал Михаил, вдохнул еще раз и поддернул рукава меховой куртки.

Мимо прошел Филонов. Ему до места встречи с Максимом оставалось пройти пять домов по этому переулочку, выйти на соседнюю улицу и по ней пройти еще три дома до арки. «Самое удачное место, – усмехнулся Сосновский. – Место тихое, издали его не видно, пешеходов и так в это время мало, а тут их вообще не бывает. Еще минута, и мои гаврики будут здесь». Прислонившись плечом к кирпичной стене, Михаил прислушивался к звукам, доносившимся с соседней улицы. Вот, кажется, и шаги. Они должны войти сюда вместе. Если нет, то придется первого задержать, чтобы дать возможность вступить со мной в «беседу» и второму.

«Переоценил я вас», – подумал Михаил, когда в переулочек свернули сразу двое. И тот, в пальто с поднятым воротником, и второй, в фуфайке шли торопливо, не переговариваясь. Они были очень удивлены, когда от стены лениво отлепился высокий незнакомец и шагнул им навстречу, сразу одним движением перекрывая им путь. Судя по взглядам, они еще не поняли опасности и не заподозрили связи между тем, что делали сами, и тем, что происходит.

– А что, корешки, огоньку не найдется? – развязным тоном осведомился Сосновский, гоня из одного угла рта в другой незажженную папиросу.

Свои руки он в карманах не держал, как его противники. Они ни на секунду не оставались у него на месте. Михаил то прихлопывал ими по бедрам, то потирал в предвкушении от удовольствия закурить, то делал жесты, обозначающие процесс прикуривания и затяжки папиросой. В свое время Сосновский наблюдал одного такого уголовного уника, который жестикуляцией просто выводил из себя любого собеседника. Подобное поведение сбивало с толку, не давало сосредоточиться. Собеседник, особенно новый, никак не мог взять в толк, о чем речь и чего ждать от этого человека. Потом перед зеркалом Михаил долго тренировался, наблюдая за собой, и был удовлетворен тем, что почти точно скопировал подобную блатную жестикуляцию.

– Свои иметь надо, – буркнул мужчина в ватнике и попытался обойти Сосновского справа.

– Что ты сказал, фраерок? – Сосновский ловко поймал мужчину за верхнюю пуговицу на ватнике и дернул его на себя.

Как и предполагалось, пуговица с треском оторвалась и осталась в руках Михаила. Мужчина буквально захлебнулся от возмущения, хотя второй, следовавший за ним, остановился с довольно настороженным видом, продолжая держать правую руку в кармане, а левой придерживая воротник пальто у подбородка. Сосновский хорошо знал, что когда в такой ситуации не вынимают руки из кармана, то там, скорее всего, держат пистолет. Но мало кто умеет стрелять через карман. Это только кажется, что легко, на самом деле повернуть ствол пистолета или «нагана» горизонтально и точно направить на жертву с первого раза, может, и не удастся. Узкий карман, толстая подкладка пальто, и это сопротивление нужно преодолеть. Тут тренироваться надо, долго и старательно. «Нет, не станет он через карман стрелять, если у него там “вольна”, – с усмешкой подумал Сосновский. – Не рискнет. Промаях может стоить дорого, а жить хочет каждый».

– Слушай, ты, шкет! – вдруг пошел на Сосновского мужчина в фуфайке, сразу потеряв самообладание и здравое мышление.

Расчет оказался верным: мелкое хамство, не столько существенное физически, сколько выводящее из себя морально и эмоционально. Это как будто ты шел, а тебе подошли и нагло плюнули на пиджак. Просто так, из желания нахамить. «Только у этого типа, судя по роже, должен быть какой-то козырь, не только же он попер на меня с выпяченной челюстью. Что-то у него за душой должно быть и посильнее челюсти», – подумалось Михаилу. И он не ошибся. Его противник выхватил из рукава, как фокусник, короткий шланг, обмотанный на конце черной изоляционной лентой. «Или песок внутри, или стальные шарики, – догадался Михаил. – Один такой хлесткий удар, и он мне или руку сломает, или голову проломит, или распорет кожу до кости».

Сосновский не стал ждать, пока этот человек займет позицию для нанесения удара или просто, размахивая шлангом, устроит перед собой непроницаемую веерную защиту. Да и времени уже не было на эти игры. Пора было заканчивать, пока ситуация располагает и пока ничего не усложнилось.

Мужчина размахнулся. Финка сама выскользнула из рукава Сосновского и плотно легла в его ладонь. Пока шланг летел назад для замаха, он успел с силой нанести удар носком сапога под коленную чашечку своему противнику. И, выбросив вперед левую руку, чтобы блокировать в области кисти возможный удар, Михаил всем корпусом ринулся вперед и снизу вверх молниеносным движением полоснул отточенным как бритва клинком по горлу жертвы. Перехватив руку мужчины, Михаил оттолкнул смертельно раненного человека к стене дома.

Тело еще падало, а он уже оказался перед вторым противником. Человек в пальто и с перекошенным от напряжения лицом все дергал и дергал руку из кармана. Там действительно был пистолет, и он зацепился за подкладку кармана. Он так и не успел вытащить оружие, когда Сосновский подсечкой под щиколотки опрокинул его на снег. Во время падения противник все же нажал в кармане на спусковой крючок, но выстрел, заглушенный подкладкой пальто, прозвучал так, что его, скорее всего, не услышали даже на соседней улице или в квартирах окружающих домов.

Сосновский уронил человека так, что тот упал лицом вниз. Михаил навалился на него всем телом и прижал его к снегу коленом. Рисковать и пытаться пробить одним ударом ватную подстежку зимнего пальто Михаил и не собирался. Он просто рывком со спины отогнул воротник пальто и с силой всадил лезвие финки противнику в шею у самого основания черепа. Оглянувшись по сторонам и удерживая все еще подергивающееся тело, Сосновский выдернул свое оружие из шеи незнакомца, старательно вытер с лезвия воротником убитого кровь и снова сунул в рукав куртки. Вокруг растекалась и впитывалась в снег кровь. Сплюнув, Михаил торопливо двинулся в сторону соседней улицы. Кажется, обошлось.

– Давай чайку, – предложил Шелестов, когда они разделись и уселись за стол под большим зеленым абажуром.

Дом был старый, трехэтажный, и в эту часть коридора можно было попасть по второй лестнице, что давало возможность лишней раз не попадаться на глаза соседям. Да и лампочка здесь почему-то всегда не горела. Лейтенант согласился попить чаю. Зябко потирая руки, он осматривал стены квартиры, на которых в большом количестве кнопками были прикреплены фотографии из жизни какой-то семьи. Чайник быстро зашумел на электрической плитке. Шелестов заварил чай и налил его в стаканы с подстаканниками.

– Ну что, Павел, давай говорить о делах. Время позднее, а дел еще у нас много. Шпион у вас в Горьком сидит, опытный, умный. Щупальца запустил к вам на завод.

– Да я в курсе, – виновато опустил голову Филонов. – Материалы из нашего конструкторского бюро к фашистам попали. Только вот я спросить хотел. А точно из нашего КБ? Ведь материалы из КБ на заводы уходят, на которых самолеты Лавочкина собирают. Может, оттуда?

– Не может, Павел, – строго сказал Шелестов. – И ты бы не привыкал мыслить таким образом. Это не твое дело, что там уходит с других заводов и уходит ли. Главное, чтобы ты за свой фронт отвечал и со стопроцентной уверенностью мог сказать, что у вас, в Горьком, утечки нет и быть не может, потому что работа по соблюдению секретности поставлена как надо. Можешь такое заявить?

– Не могу, – промямлил Филонов.

Он хотел еще что-то добавить, но покраснел и снова опустил голову. Но Шелестов заметил, хорошо понял, что покраснел лейтенант не от стыда, а от злости, которая полыхнула в нем сейчас, как факел. Так полыхнула, что горло сжало, слова не вымолвишь. Шелестов специально сгустил краски, чтобы этот молодой чекист не начал говорить, что к нему претензий быть не должно, не он тут главный, не ему решать, инициативу его душат, предложения его не принимаются. Не стал он этого говорить. Похвально! Не надо парня мучить, а то обида – плохой помощник делу, опыта у него мало, может и перегореть желание служить в органах, а парень, как говорил Карев, надежды подает.

– Промолчал? Молодец! – усмехнулся Шелестов и снова отхлебнул из стакана. – Ты прав, конечно. К тебе какие претензии. Но я ведь приехал не претензии предъявлять и слухи собирать, склоками заниматься. Я со своей группой приехал для того, чтобы помочь вам здесь на месте прекратить утечку секретных данных о разработках и поймать немецкого шпиона. Так что обиды и всякие ненужные эмоции в сторону, дружок. В голове только мысли о деле, и ничего больше. Договорились?

– Так точно! – вздохнул Филонов и посмотрел более уверенно.

– Давай рассказывай, какие версии у вас в работе с капитаном Морозом.

– Собственно версий у нас не так много. А уж если вы спросите пофамильный список подозреваемых, то там окажется всего один человек, и то только потому, что Иван Карпыч так считает. Вот кажется ему, что инженер Викулов, который погиб во время испытания авиационного двигателя, виновен в этом взрыве, что он вредитель и пособник немецкого шпиона.

– И где же сам шпион, по мнению капитана Мороза?

– Не на заводе. И он говорит, что нужно изучать связи Викулова, хотя связей у него никаких в Горьком нет, потому что он с дочерью приехал сюда с Урала всего полгода назад. Я проверял перекрестно его досье на Урале. Нет, не может Викулов быть ни вредителем, ни пособником врага.

– И даже не потому, что ты влюблен в его дочь? – напомнил Шелестов.

– Алина, между прочим, серьезнее других относится к соблюдению секретности и порядку в документообороте, – тихо заметил Филонов, а потом уже громче и с вызовом заявил: – Да, я люблю ее, и она меня любит. Но это никак...

– Ты не кипятись, Павел, – остановил Шелестов оперативника. – Люби кого хочешь, если твое сердце так хочет. Ты, главное, о деле думай постоянно, о работе своей. Ты чекист, а это долг превыше всех остальных. Не должно тебя ничто останавливать, если придется схватить врага или пособника врага за руку. Главное, чтобы у тебя любовь к Родине была сильнее, была на первом месте и ничто бы ей не мешало.

– Вы мне не верите?

– Не верил бы, сейчас не разговаривал бы, а просто отстранил бы от работы, – спокойно заметил Шелестов. – И майор Карев тебе верит. Он рекомендовал с тобой говорить открыто. С капитаном Морозом открытого разговора не будет. Как оперативный работник, он нам сейчас помочь не может. Квалификация у него довольно низкая и низкая обучаемость. Тужится он, старается, но толку от этого мало. Еще и тебя с твоими идеями тормозит. Ну и хватит об этом. Мороза пока трогать не будем, иначе враг заметит перестановки и о многом догадается. А нам сейчас надо, чтобы враг успокоился, не сомневался и не опасался. Итак, давай еще раз, какие факты могут говорить о том, что инженер Викулов вредитель или предатель? Думай!

– Хорошо, – согласился Филонов и задумался. – Если Викулов был заинтересован в том, чтобы сорвать работы по двигателю с новыми усовершенствованиями и деталями, то он мог что-то нарушить в работе двигателя только в последний момент перед самым его запуском на испытательном стенде. Раньше постороннее вмешательство могли заметить конструкторы и инженеры-сборщики.

– Хорошо, дальше!

– Почему произошел взрыв так рано, что он не успел уйти за защитные экраны? – Лейтенант снова задумался на какое-то время. – Тоже можно объяснить. Не успел учесть возможных последствий с необходимой точностью. Он же инженер-энергетик, а не двигателю, не механик по двигателям внутреннего сгорания.

– Логично. Но ты забыл про ответ на самый главный, первый вопрос. Зачем ему это было нужно, даже если он враг? Что дает эта диверсия?

– Я слышал, как отзывались об этой трагедии конструкторы. Ведь повторить конструкцию они могут без труда, но теперь им не повторять нужно, не собирать новый двигатель с данными изменениями и дополнениями. Им теперь надо разобраться в причинах аварии. Если произошел взрыв и не ясны его причины, то такой двигатель пускать в производство нельзя. Это же очевидно. Значит, будут разбираться, изучать остатки двигателя после взрыва. А все это затормозит планы по вводу новых систем, затормозит выполнение задания Государственного комитета обороны. Уничтожение опытного образца всегда приводит к незапланированным потерям времени и сил. Что авария с двигателем на стенде, что с опытным образцом самолета во время первых вылетов.

– Убедил, давай дальше, – кивнул Шелестов. – Про подозрения насчет Алины Викуловой я тебя не спрашиваю. Тут личные отношения. По всем нашим правилам, ты не имеешь права ее обсуждать и оценивать. Теперь скажи, кто еще мог приложить руку к аварии и кто может копировать чертежи и передавать их немецкому шпиону?

– Копировать с помощью техники из лаборатории копирования, где Алина работает, не может никто, кроме лаборантов.

– Это я знаю. От этих запахов не избавиться. И эти запахи вызовут здоровое любопытство у каждого начальника, если подчиненный не должен был заниматься копированием. Но дело в том, что чертежи узлов и новых инженерных решений скопированы другим способом. С помощью фотоаппарата специального устройства именно для микросъемки. У нас с тобой, Павел, должен сформироваться иной круг людей, которые имеют возможность копировать чертежи. Давай думать...

Коган вошел в пивную и осмотрелся. Типичная забегаловка на окраине, прокуренная и не очень чистая. И въевшийся в стены запах пива, соленой рыбы и дешевого табака. И это несмотря на то что стены почти всюду обложены стеклянной плиткой, которая моется различными средствами и не дает возможности развиваться всякой антисанитарии. Должна мыться. Как и полы. Вон те, с рваным линолеумом, по которому сейчас уборщица, одетая в черный халат, возит грязной половой тряпкой на швабре. Гулко отдаются под низкими сводами голоса подвыпивших, возбужденных алкоголем мужчин, хриплый неестественный смех.

Контингент тоже довольно однообразен. Собственно, посетителей этой забегаловки можно разделить на три категории. Первая – это обычные выпивохи, любители пива, которых хлебом не корми – дай сбежать из дома и нырнуть в такой вот подвальчик. И не волнует их ничто и никто. Только пиво и бестолковый треп ни о чем с такими же отупевшими типами. Другая категория – это законченные алкаши, потерявшие человеческий облик. Они ходят сюда в надежде встретить кого-то из знакомых, кто сжалится и нальет немного «беленькой» или хоть позволит допить пиво из его кружки. Ну, и третья категория – это люди деловые, для них важно затеряться в толпе, чтобы обсудить свои сомнительные делишки. Те, кто приторговывает краденым, дельцы черного рынка, торгующие в принципе тем же краденым, но только украденным у государства. Со складов, из столовых, детских учреждений, госпиталей. Среди них частенько попадаются и блатные, которые назначают тут встречи своим и чужим. Они обсуждают и планируют свои темные делишки.

Коган безошибочно определил в трех мужчинах, стоявших за высоким столиком у стены, уголовников. В этих заведениях не сидели за столами, здесь стояли, облокотившись на высокий стол, и пили пиво. Даже от двери он разглядел наколки на пальцах, не говоря уже о мимике и жестике, выдающих в мужчинах блатных. Это не высшая каста уголовного мира, это послушные исполнители, это самостоятельные урки, которые промышляют на свой страх и риск. И Коган, прихватив с прилавка две кружки пива, двинулся к намеченному столику. Подойдя, он со стуком поставил свои кружки на свободное место.

– По здоровечку, – буркнул он, не глядя на уголовников, и принялся доставать из бокового кармана короткого драпового пальто газетный сверток, в котором приготовил воблу. – Не помешал?

Коган не смотрел на этих людей. Он их рассмотрел, пока стоял у входа, пока шел с кружками через весь зал между тесно составленными высокими столиками. Сейчас он, не глядя на них и старательно очищая от кожи воблу, просто чувствовал их. Этот справа нерешительный. Он удивленно таращился на своих дружков, не зная, что делать и как себя вести. Черт его знает, этого лупоглазого носатого мужика. Мало ли кто он такой. То ли послать его сложным сочетанием слов на воровском жаргоне, то ли сразу пендаля дать под зад, чтобы летел к выходу. А может, и просто прижать к печени финку и спросить с него? И потому, что этот тип лет тридцати был такой нерешительный, Коган и оставил его по свою правую руку. Как самого неопасного.

Второй, лет на пять постарше, с опухшей и старательно напудренной скулой, вчера, видимо, перебрал и с кем-то хорошо подрался. И кулаки сбиты, и скула. И баб любит. Этот неозлобленный, этот просто ждет команды того, у кого вес в криминальном мире побольше. А тот как раз стоит по другую сторону стола. Напротив. И сверлит незнакомца недоброжелательным взглядом. Нехороший у него глаз. И шрам на щеке, который он старательно прикрывает краем шарфа, нехороший. Но и этот не станет кидаться на незнакомого, пока не уяснит себе его масти, не оценит его положения в воровской иерархии. И этому третьему очень не нравилось, как наглый незнакомец себя ведет. Идиотом надо быть, чтобы не понять, что ты встал за столик с блатными. А он холоден, угрюм, даже как-то лениво себя ведет. Воблу щиплет, в рот полоски кладет. Пережевывает. И Коган решил как раз соленую рыбу и использовать, раз

она попала на глаза уголовнику и он на ней внимание заострил. Подвинув газету на середину стола, Коган поднял кружку и, буркнув «угощайтесь», сделал несколько глотков пива.

– Че хотел, дядя? – хрипло спросил мужчина со шрамом. – Ты «хозяйский», что ли?

– Интерес у меня есть. Вижу, что не «банзуха»², вот и подошел, – снова проворчал Коган, не поднимая глаз.

Голос его звучал уверенно и лениво, как будто он тут был хозяином положения. Эти интонации и его поведение явно бесили блатных, но и заставляли их опасаться незнакомца. Впрочем, не факт, что все закончится прилично. Такое развитие событий Борис тоже учитывал. Все-таки следователь особого отдела НКВД – это не следователь уголовного розыска. Специфика другая, знания и опыт соответствующие. Но Когану сейчас и не надо было «лепить горбатого». Главное, чтобы его боялись, тогда эти трое не станут совершать поспешных и необдуманных поступков. Посоветоваться они захотят с теми, кто тут принимает решения. В их кругу, конечно. И Коган, снова пережевывая соленые полоски рыбы, заговорил:

– Корешка своего ищущий я. Сюда поехал и пропал. Может, слышал кто про Калину?

– Слышь, ты... – начал было тот, что стоял слева, уловив красноречивый взгляд человека со шрамом, но Коган тут же его перебил таким ледяным тоном, что у всех троих внутри кишки свернулись, словно от ощущения, что холодная сталь финки вот-вот войдет в брюхо.

– Ты рога не заголяй, братишка! У меня интерес большой в вашем городке. Второй пропал – ответ держать придется. Серьезный базар будет.

– Ты откуда такой взялся? – уже более миролюбиво и на вполне гражданском языке заговорил человек со шрамом.

– Отвечу, – буркнул Коган и, пожевав кусочек рыбки, добавил: – Когда спросят. Хату Калина снять должен был, приземлиться хотели. Всем миром. Пропал Калина, родственники волнуются. Вы угощайтесь, угощайтесь. Рыбка с речки, речка далече, про рыбака уж и забыли все. Если кто вспомнит или узнает что про Калину, внакладе не останется. Хороший человек отблагодарит. Я тут на рынке каждое утро бываю. Городок у вас хороший, интересный. – Допив пиво из кружки, Коган вытер рот ладонью и не спеша двинулся к выходу.

«Все правильно, – думал он. – Уважение вызывает не тот, кто “блатную музыку” лучше знает. И этот со шрамом тоже так считает. А он у них в авторитете. Ничего, завтра они посмотрят на меня со стороны, убедятся, что не наврал. Посмотрят, не трутся ли поблизости опера из уголовки. Ну, а послезавтра подойдут. Только не на рынке, а попозже. Выследят меня и подойдут. И будет со мной разговаривать уже другой человек, который, может, и знает про Калину».

Калиной был тот самый уголовник, который умер в больнице от ножевого ранения. Он успел шепнуть, что его послали узнать, что хочет тот человек, который ищет банду беспредельщиков. За самим Калиной никого не было, он просто хотел сколотить такую банду, раз дело выгодное. Но кто-то не поверил и пырнул финкой в живот Калину прямо на улице. И когда майор Карев сложил в голове факты, он понял, что чужими руками группу на все готовых людей пытается подобрать вражеский шпион. И этот враг очень хорошо, как выяснилось, знает Советский Союз, раз умудрился даже проникнуть в уголовную среду. Он только предположил, а вот Платов собрал воедино все, что мог собрать из разных источников, и понял, что Карев прав. Ладно, запускаем в дело «банду Седого».

Коган остановился возле витрины магазина. Рассматривать тут было нечего. Война, одним словом. С продуктами плохо. Хлеб да крупа. Вон консервы. Не тот ассортимент, но хоть что-то есть. Коган, глянув в отражение в стекле, убедился, что за ним увязался самый молодой из этой троицы. Хорошо. «Заинтересовал я их, – усмехнулся Коган. – Он осмотрел себя, глядя в стекло. Надо кликуху мне подходящую придумать. Филин! А что, очень даже похож. Тем

² Банзуха (воровской жаргон) – компания для выпивки.

более по ночам люблю мышей давить». Хмыкнув, Коган двинулся дальше по улице, прикидывая, в каком месте удобнее избавиться от хвоста.

Глава 3

Собраться вот так всем вместе надо было еще в первый день, когда группа только пришла в Горький. Но ситуация сложилась таким образом, что Шелестову пришлось искать и ждать Филонова. Не получив информации от лейтенанта из первых рук, не получив понимания, где на заводе или прямо в конструкторском бюро засел враг, что-то предпринимать было нельзя. А тут еще и Сосновский ошарашил всех тем, что за Филоновым был хвост. Теперь каждый последующий шаг придется делать с такой опаской, что у Шелестова по спине пробежал холодок. Если враг следит за оперативником НКВД на заводе, тогда группа могла засветиться так сильно, что ее работа пропадет даром. Кто, почему следил?

Сосновский коротко рассказал о том, как ему пришлось убить двух наблюдателей, которые шли вчера за Шелестовым и Филоновым. Обнаружились они уже после того, как Максим встретился с лейтенантом.

Шелестов сидел, барабанил пальцами по столу, угрюмый, невыспавшийся Карев откинулся спиной на стену и закрыл глаза. Коган и Буторин переглядывались с недовольным видом.

– Самое неприятное в том, что мы не знаем, за кем они шли, – недовольно произнес Буторин.

– Самое неприятное в том, что их уже не спросишь, – возразил Коган и покачал головой. – Эх, Миша, Миша! Как же ты так напортачил?

– За мной они идти не могли. Не было за мной хвоста, – уверенно сказал Шелестов. – Я уверен, что хвост был именно за Павлом. И сейчас нам не сокрушаться надо, а думать, что делать дальше. Понять, что произошло и в каком мы положении.

– Я даже не знаю, что сказать, – убитым голосом произнес лейтенант. – Я проверялся, как учили, не было за мной хвоста. И откуда они взялись, я понять не могу. Может, все-таки не за мной, может, совпадение, и они просто шли, по пути им было?

– Послушайте, я тоже не призываю сокрушаться, – заговорил Сосновский, раздраженно покусывая губу и бросая недовольные взгляды на Когана. – Меня тут пытаются отчитывать, как мальчишку, а я, между прочим, в разведке не первый день. Они шли за Максимом и Павлом. Другого мнения и быть не может. Они разделялись и сближались, но шли по их следу. Они хорошо видели, как Филонов проверялся. Они даже знали, в какой момент и как он будет проверяться. На перекрестках, у витрин магазинов, когда он наклонялся, чтобы подобрать обретенную перчатку, они замирали в каком-нибудь подходящем укрытии, а потом снова шли за ним. Они секунд тридцать шептались, когда Павел встретился с Шелестовым, и снова шли следом. И я не мог допустить, чтобы они не только проследили их до машины, а то и до конспиративной квартиры. Я не мог позволить им уйти, доложить о встрече и дать словесное описание Шелестова. А ведь он на заводе легально крутится. Дать возможность опознать в нем оперативника – крах нашей операции.

– Михаил прав, – вдруг, не открывая глаз, сказал Карев. – Я считаю, что он не только не навредил, он спас операцию. Нельзя было их отпускать живыми. Задержать он их в данной ситуации не мог. Эти двое добились своей цели, следя за Павлом. Они вышли на его контакты. У Павла мало опыта для такой работы, но это дело наживное.

– Если вы считаете, что я не справляюсь или могу принести только вред, – пробурчал лейтенант, – то снимите меня. Отстраните от операции.

– Нет, нет, – улыбнулся майор и, открыв глаза, уселся на стуле прямо. – Ты, Павел, молодец. Отсутствие опыта – не твоя вина. Он так и набирается, оперативный опыт. С годами. Сними тебя с одной операции, со второй. Так ты его никогда и не получишь. Ты парень толковый, ответственный. Ты же понимаешь всю важность этой операции и промахов не допустишь. Но я не об этом хотел сказать. Есть еще одна польза от произошедшего случая. Убитых най-

дут их дружки или заказчики. Это совершенно точно. Поймут они, что эти люди убиты не случайно, убиты мастерски, хладнокровно. А не таких ли исполнителей ищет наш «оппонент»? Это очень удобный случай подставить ему вашу группу – «банду Седого».

– Осталось найти объяснение, удобное для нас и убедительное для нашего «оппонента», – задумчиво проговорил Буторин. – А именно: зачем банде Седого убивать двух человек, которые вели слежку за лейтенантом НКВД, курирующим соблюдение секретности на авиационном заводе и секретном авиационном КБ.

– А вот это как раз просто, – оживился Шелестов. – Наглость – второе счастье. И чем наглее мы себя будем вести не только вести в криминальной среде, но и чем наглее будем подставлять себя немецкому разведчику, тем проще. Да, банда Седого сама нацелилась взять кассу на заводе! Зачем два трупа? А затем, что бандиты Седого сами следили за Филоновым, а тут двое неизвестных. Решили, что они из уголовного розыска и... расправа была быстрой. Банда Седого не церемонится, когда добывается своего!

– Хорошая мысль, – согласился Карев. – Не без недостатков, но идеальной легенды нам и не придумать за такой короткий срок. Сейчас было бы хорошо привлечь к работе как раз городской УГРО, но я бы не стал рисковать. Там могут оказаться люди разные. Ничего не хочу сказать плохого про милицию, но отбор туда идет не такой тщательный, как к нам. Можем нарваться и на подкупленного уголовника типа, который поведется на легкую наживу. Нет, лучше не рисковать, дело у нас уж больно важное. Хорошо, я подключу свою агентуру в уголовной среде. Не так много, но кое-кто есть. Могу держать руку на пульсе. Сейчас главное, чтобы информация прошла среди авторитетных уголовников, среди их паханов. Я уже очень осторожно пытаюсь навести справки о тех, кто пытается провернуть серьезные делишки, кто способен на серьезное преступление. У вас как успехи на этом фронте?

– Кое-что есть и у нас, – ответил Коган. – Как и планировалось, я зашел в пивную забегаловку на Старой Кирпичной улице. Одна компашка из трех уроков мне приглянулась. Подходящие типажи, честно признаюсь. Я даже удивился, что с первого раза так повезло. Ну, дальше все по легенде про Калину, который пропал. И ушел, как и планировал. Не договорив, толком ничего не объяснив, но про рынок все же сказал, что бываю там каждый день.

– И как реакция? – насторожился Карев.

– Хвост они за мной пустили сразу, но неквалифицированный. Я «сорвался» и ушел. А на рынке меня часа три пасли. Из этих троих я заметил их старшего со шрамом на скуле. Всего их было четверо. Значит, кому-то про меня рассказали, и тот прислал людишек, чтобы посмотреть на залетного, масть определить. Обшмонали они весь рынок, но переодетых оперов из уголовки или НКВД не нашли. Иначе бы смылись они все сразу.

– Ну, что же, – сказал Шелестов. – Авантюра, конечно, была это с твоей стороны, Борис. Но, думаю, она удалась. Действительно, если блатные пришли на рынок и так долго наблюдали за тобой, то это говорит о том, что они всерьез приняли твои слова и кому-то из авторитетных воров о них рассказали. И тот прислал своих ребяташек посмотреть на залетного гостя. Хотя все могло кончиться и иначе. «Поставили» бы они тебя на «перо». В толпе на рынке такое проверить проще простого.

– Исключено, – засмеялся Коган. – Они слишком серьезно восприняли мои слова. Не скажу, что испугались, но восприняли серьезно. Почувствовали, что какая-то новая сила появилась. И ладно бы своя, местная. Нет, пришедшая, чужая заявила. Потом все что угодно может быть, как угодно повернуться. А пока сегодня и завтра они никого не тронут, они будут пытаться навести справки в своем мире и понять, что это за сила.

– Везение, конечно, уникальное, – поддакнул Карев. – Сразу же «в яблочко».

– Ну, положим, не сразу, – пожал Коган плечами. – Это четвертая пивнушка, в которой я увидел более или менее подходящих людей, которых можно было попробовать использовать. Были блатные и в других заведениях, были уголовники, но... Как бы вам это сказать. Не впе-

чатлили они меня ни мастью, ни весом в этом мире. Видно, что обычные «шестерки». Они не то что передать кому-то, рассказать о нашем разговоре не смогут. Они толком не поймут, о чем шла речь.

– Сейчас самое главное – не потерять инициативу, – сказал Карев. – Раз уж все так закрутилось, раз уж вы оказались на шаг впереди местного воровского мира, то эту инициативу нужно удержать. Я придумаю и подготовлю вам громкое преступление. Пусть блатной мир содрогнется.

– А мне-то что делать? – тихо спросил Филонов, чувствующий себя неуютно из-за своей оперативной несостоятельности.

– О, у тебя, Павел, самая важная и сложная роль, – похлопал Шелестов лейтенанта по плечу. – Нам с тобой в конструкторском бюро нужно пособника найти. От него прямая дорожка к врагу, к немецкому разведчику. Ты же понимаешь, что у немецкого агента на заводе должен быть доступ к чертежам и формулярам. Никто лучше тебя не сообразит, где его искать, среди какой категории работников.

Филонов на миг задумался, потом проговорил:

– Ну, вообще-то, доступ к чертежам получить не сложно. Это же фактически рабочие документы. Другое дело, что сфотографировать их сложно. Не всегда есть возможность. Это ведь надо сделать тайком. Разложить их где-то на горизонтальной поверхности, хоть какое-то ровное освещение обеспечить. Для этого надо ключи от секретной комнаты иметь, от секретного архива. И еще мало ключи иметь, надо иметь и печать. Помещения же опечатываются в конце рабочего дня. Они «секретку» библиотекой называют. И там сидит женщина-библиотекарка, которая выдает чертежи и формуляры. Мы ее проверяли, как никого другого. И следили, и что только не делали. Нет оснований ее подозревать. Но кто-то же фотографирует. Второй вариант – это съемка во время копирования или до, или сразу после. Там минимум свидетелей.

Шелестов видел, что Филонов говорит это с трудом, мучаясь, страшно переживая. Он ведь сейчас говорил не о том, что подозревает Алину Викулову, а о том, что кто-то рядом с ней, кто-то может использовать ситуацию. И он очень переживал, что оперативники заподозрят Алину, что не поверят ему, в его интуицию, в его убежденность. Павел говорил медленно, не горячась, старательно подбирая слова. «Молодец, – мысленно похвалил Шелестов лейтенанта. – Будет из него толк, обязательно будет. И не только потому, что долг для него на первом месте, а еще и потому, что сердце у него не черствое, человечность в нем есть от природы».

Егор Лыков ждал у двери, когда Алина пройдет мимо с несколькими рулонами чертежей. И когда девушка поравнялась с его «убежищем», инженер сделал шаг вперед. Как и следовало ожидать, на пол полетели рулоны, бумага из раскрывшейся папки, девушка тихо вскрикнула от неожиданности. И вот они уже сидят рядом на корточках и собирают бумаги, извиняясь друг перед другом.

– Алина, это я виноват, – тихо говорил Лыков. – Задумался, не смотрю по сторонам. А тут вы! Я такой неловкий...

– Нет, это я виновата, Егор, – смущенно улыбнулась девушка. – Надо же смотреть, куда идешь, а я ворон считаю. Вот и насчиталась!

Наконец все было собрано с пола. Два или три сотрудника бюро, проходя мимо, улыбнулись тому, чем занята молодежь. Алина этого не замечала, а Лыков недовольно морщился. Вообще-то, он хотел, чтобы его попользования остались тайной для других сотрудников, но, видимо, перестарался, и после их «случайного» столкновения из рук Алины вылетело почти все, что она несла. Пришлось долго сидеть на корточках и помогать собирать бумаги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.